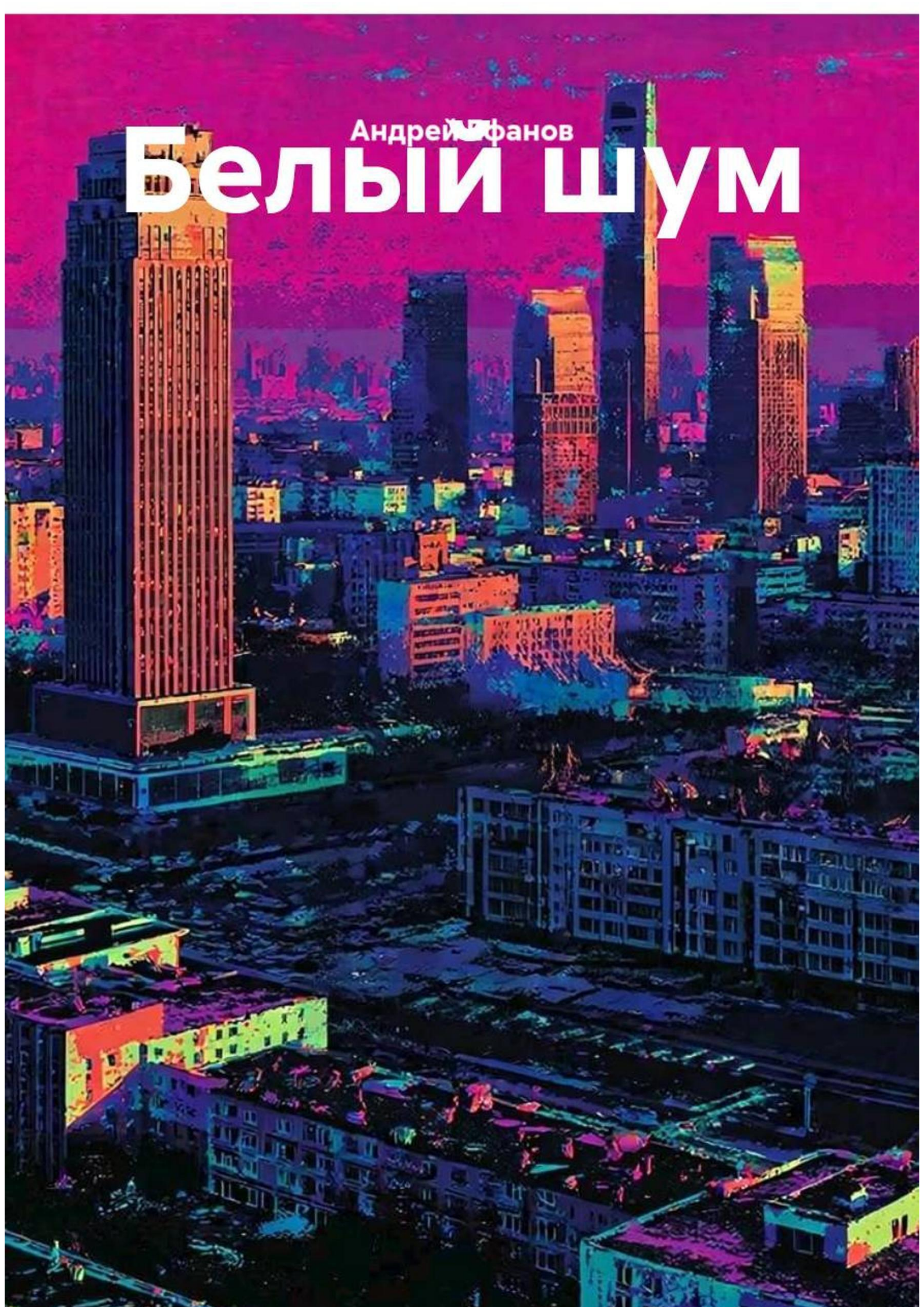

Андрей Фанов

Белый шум

Андрей Ефанов

Белый шум

«Автор»

2026

Ефанов А.

Белый шум / А. Ефанов — «Автор», 2026

В мире, где эмоции стали товаром, а чувства — программным кодом, общество живёт под контролем корпорации «Оптимус». Люди выбирают настроение из каталога, а боль, страх и разочарование считаются ошибками системы, которые нужно исправить. Но что произойдёт, если стерильный порядок рухнет, а в цифровой реальности появится вирус эмпатии? Бывший архитектор «Оптимуса» Артём и Кира, девушка с «Критическим мышлением 2.0», запускают скрипт, способный вернуть людям утраченные чувства. Их поступок становится началом хаоса: город пробуждается, а герои оказываются вне закона. Преследуемые агентами «Оптимуса», они вынуждены скрываться в тених мегаполиса, чтобы добраться до дата-центра и запустить протокол «Феникс» — последнюю надежду на перемены. Повесть «Белый шум» — это философский киберпанк о борьбе за право чувствовать, выборе между безопасностью и свободой, а также о том, что значит быть человеком в эпоху тотального контроля.

© Ефанов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Белый шум

*«В мире, где чувства — это баги,
эмпатия становится самым опасным
вирусом».*

Андрей Ефанов

Глава 1

За панорамным стеклом «Москва-Сити» догорал закат. Багровый свет вяз в холодном воздухе, смешиваясь с неоном, рекламными голограммами и отражениями соседних башен. Город казался огромным электронным организмом: стекло, металл, ритмичные вспышки, потоки людей внизу — как ток в перегретой схеме.

Внутри было тихо. Пахло озоном, дорогим парфюмом и цитрусовым ароматом диффузора.

Артём работал архитектором в «Оптимус» — корпорации, которая занималась тем, что ещё десять лет назад считалось либо чудом, либо кощунством. Он извлекал эмоции, оцифровывал их, перепродавал владельцам или удалял. Можно было купить заново прожитый день счастья, первую любовь, чувство безопасности, тихую эйфорию от детского лета. Можно было убрать утрату. Стереть стыд. Ослабить вину. Заглушить боль до приемлемого фонового шума.

Официальный язык корпорации называл это эмоциональной коррекцией.

Неофициальный — ампутацией души.

Артём давно перестал спорить с формулировками. Он просто делал свою работу лучше других. Именно поэтому к нему приходили те, кому стандартные процедуры уже не помогали. Он умел работать не с отдельными травмами, а с узлами памяти, где чувства, события и люди давно сплелись в одно. Умел резать по живому аккуратно. Почти без боли.

Единственным сбоем в его собственной внутренней архитектуре оставалась Лера.

Когда-то они вместе создавали «Оптимус». Не буквально — у корпорации были инвесторы, юристы и совет директоров, — но всё главное родилось именно тогда, в годы, когда проект был ещё рискованной мечтой, а не глобальной машиной по переработке чувств в премиум-услугу. Лера написала часть архитектуры, без которой система не научилась бы распознавать переходные эмоциональные состояния. Артём собрал каркас, на который всё это легло. Они думали, что создают не рынок, а новое пространство для памяти — способ сохранить то, что обычно исчезает без следа.

Потом Лера разочаровалась в призвании и ушла.

Она перешла к конкурентам, забрав с собой часть исходного кода, и с тех пор присутствовала в его жизни в форме цифрового послесвечения.

Её аватар время от времени всплывал в рекомендательных моделях. Старые плейлисты запускались в доме без команды. Нейросеть сервиса с корпоративной деликатностью предлагала восстановить совместные воспоминания, как будто речь шла о резервной копии, а не о том, что когда-то было его жизнью.

Это сводило с ума. Он не мог работать. Код казался чужим.

Чужая боль, с которой он ежедневно соприкасался, становилась всё тяжелее. Иногда ему казалось, что он давно уже не человек, а просто промежуточный накопитель для чувств, которые другие не захотели в себе носить.

В тот вечер у него была встреча с клиенткой.

Её звали Алиса.

Таких женщин сеть любила особенно: молодая, красивая, безошибочно узнаваемая, построенная как публичный образ с высокой конверсией доверия. Но у Артёма давно выработалась профессиональная привычка смотреть не на лицо, а на то, что сквозит под ним. В глазах у Алисы была усталость предельной степени — та сухая, выжженная пустота, которая приходит уже после слёз, после истерик, после бессонницы, когда у организма заканчиваются даже силы страдать.

Она села напротив него и сразу сказала:

— Я хочу удалить его.

Без предисловий. Без попытки смягчить формулировку.

Только пальцы у неё жили отдельной нервной жизнью — коротко и зло простукивали ритм по подлокотнику кресла.

— Не скрыть, не заблокировать, не перевести в архив, — продолжила она. — Удалить. Из памяти. Из всех связей. Из себя.

Артём знал, о ком она говорит. Её развод несколько недель не сходил с новостных платформ. Муж — медийный человек, один из тех, чья жизнь существует сразу в двух версиях: реальной и той, которая непрерывно транслируется наружу, пока не становится важнее настоящей.

Он вывел на воздух между ними схему протокола.

— Вы понимаете, что это не удаление файла? — спросил он. — Если человек встроен в сотни воспоминаний, изъять его без последствий невозможно. Останутся пустоты. Система начнёт достраивать пробелы случайными ассоциациями. Возможны провалы, утрата целостности, депрессивные эпизоды, психоз.

— Я ознакомилась с рисками.

— Ознакомиться и пережить — не одно и то же.

— Мне всё равно, — сказала она. — Я больше не хочу его в себе.

На стол легла тонкая платиновая карта — почти небрежно, как будто деньги были не аргументом, а формальностью.

Артём даже не посмотрел.

— Цена не в деньгах.

Он поднялся и подошёл к консоли. Голос у него прозвучал тускло, почти устало — как у человека, который всё это уже говорил другим много раз, но сам так и не научился верить собственным словам.

— Есть три условия.

Алиса кивнула.

— Первое: после процедуры вы не будете пытаться восстановить сведения о нём. Ни поиском, ни через знакомых, ни через архивы, ни через закрытые сети. Для вас он просто перестанет существовать.

— Понимаю.

— Второе: чтобы заполнить лакуны, мы перенаправим часть ваших положительных эмоциональных связей. Это снизит восприимчивость. Некоторое время — возможно, дольше — вы будете чувствовать мир слабее, чем раньше.

Она едва заметно пожала плечом.

— Пусть.

Артём сделал паузу.

— И последнее: вы заберёте себе его кошмары.

Только теперь она посмотрела на него по-настоящему внимательно.

— Что это значит?

— Невозможно удалить привязанность, не подняв со дна всё, что к ней прилипло. Страх, тревога, вина, остаточная агрессия, ночные образы. Во время адаптации часть этого материала

уйдёт в ваш буфер. Вы будете видеть сны, которые вам не принадлежат. Возможно, чувствовать реакции, которым не сможете подобрать объяснение.

Она помолчала, потом сказала ровно:

— Начинайте.

Процедура заняла три часа.

Артём работал в состоянии, которое сам называл хирургической ясностью. Когда приходишь в чужую память, важно не позволить себе сострадание в момент операции. Оно приходит потом — если приходит вообще. Внутри сознания Алисы всё ещё было живо: не только большие события, но и то, что обычно и делает любовь устойчивой. Случайные фразы. Чужая чашка на кухонной стойке. Ритм шагов в коридоре. Запах мокрой одежды после дождя. Спор о какой-то мелочи, забытый в словах, но оставшийся в теле как привычка. Поездка на Алтай. Поцелуй в «Зарядье». Раздражение из-за умного мусорного ведра, которое вечно ломалось в самый неподходящий момент. Все эти ничтожные вещи, из которых сшивается совместная жизнь, прежде чем люди начинают называть её судьбой.

Он вытаскивал этого человека из ткани памяти медленно, чтобы ничего не упустить.

Из плейлистов.

Из маршрутов.

Из бытовых ритуалов.

Из будущего, в котором уже был дом на Новой Риге, хотя дома не существовало даже в бетоне.

Когда всё закончилось, Алиса некоторое время сидела с закрытыми глазами, потом встала. На её лице было странное выражение: не радость, не облегчение, а скорее отсутствие тяжести. Словно у тела отняли груз, к которому оно привыкло настолько, что уже принимало его за собственный позвоночник.

— Спасибо, Артём Сергеевич, — сказала она.

И ушла.

Он остался один.

Холод начал подниматься изнутри почти сразу. Не физический — хотя кожа тоже покрылась мелкой дрожью, — а тот особый внутренний холод, который оставался в нём после каждой глубокой процедуры. Чужая боль не исчезала. Система умела перераспределять её, конвертировать, архивировать, временно замораживать, но не уничтожать. Всегда оставался осадок. Иногда она уходила в клиента. Иногда в сеть. Но чаще — в того, кто писал код удаления. Каждый раз часть чужой боли встраивалась в его собственный код и оставалась там навсегда.

Этой ночью он не спал.

И следующей тоже.

Всю неделю он наблюдал за Алисой по закрытым служебным каналам. Её внешний профиль улучшался. Социальные метрики росли. Публичный образ становился ровнее, привлекательнее, стабильнее. Подписчики писали, что она «засияла». Партнёры радовались её «новой внутренней свободе». Она улыбалась чаще. Держалась увереннее. Говорила чуть спокойнее, чуть мягче, чуть меньше колебалась перед камерой.

Артём смотрел на всё это и чувствовал только истощение.

Он начал мёрзнуть даже в тёплой квартире. Просыпался так, будто за ночь из него выкачивали энергию. Код на работе вызывал отвращение. Иногда ему хотелось просто выключить все интерфейсы и остаться в темноте, где никто не просит исправить чужие эмоции.

А потом в дверь позвонили.

На пороге стояла Лера.

Она почти не изменилась — во всяком случае, не так, как меняются люди на архивных фотографиях. Изменение было другого рода: в ней появилась та холодная собранность, которая приходит к человеку, если он слишком долго живёт в мире больших денег, точных решений

и эмоционального самоконтроля. Дорогое пальто, почти идеальная осанка, лицо, отвыкшее от спонтанности.

— Привет, Тём.

Он не ответил сразу. Просто смотрел на неё, как будто проверял, не очередной ли это сбой интерфейса, не один ли ещё из тех призраков, которыми «Оптимус» любил издеваться над ним в тишине квартиры.

— Мне нужна помощь, — сказала она.

Он всё же отступил, пропуская её внутрь.

И в этот момент понял то, что давно знал, но до сих пор не формулировал: он действительно построил конвейер. Не терапевтическую систему, не спасательную технологию, а конвейер по производству зомби — и тех, кто вынужден расплачиваться за их удобство собой.

Лера вошла в гостиную, оглядела панорамное окно, пустые бокалы на барной стойке, зависший в воздухе фрагмент кода.

— Ты плохо выглядишь, — сказала она. — Как будто не спал очень давно.

— Много работы.

Он сам услышал фальшь в своём голосе.

— Я не из вежливости пришла, — продолжила Лера. — Я знаю про «Извлечение». Сейчас о нём знают все. Люди платят миллионы, чтобы стать стерильными. Счастливыми и пустыми. Как Алиса. Говорят, ты лично пишешь скрипты для каждого клиента.

— Это конфиденциальная информация.

— Брось, Тём. Ты создал монстра.

Он резко поднял голову.

— Ты видела её?

— Теперь она работает на меня. Лицо кампании «Эмоциональный детокс». Улыбается, продаёт новую норму, прекрасно входит в кадр. Только в глазах у неё пусто. В них нет ничего.

Лера села на диван и сцепила пальцы на колене.

— Мой нынешний партнёр идеален. Настолько, что рядом с ним невозможно дышать. Он правильно говорит, правильно двигается, правильно молчит. Он подходит к моему графику, к моему имиджу, к социальной архитектуре моей жизни. Но когда мы остаёмся вдвоём, между нами такая тишина, что хочется закричать. Я больше не хочу быть внутри этого вакуума.

Артём смотрел на неё, и сквозь нынешнюю Леру проступала та, прежняя: смеющаяся, живая, яростно увлечённая, с веснушками, которые исчезали каждую осень. Девушка, с которой они когда-то были не только любовниками, но и соучастниками. Тогда они верили, что дарят людям бессмертные чувства.

— Что ты хочешь удалить? — спросил он.

Ответ прозвучал мгновенно.

— Я хочу вернуть тебя. Не как мужчину. Как архитектора. Ты знаешь устройство моей боли лучше, чем кто-либо. Я хочу обратную интеграцию.

Он даже отступил на полшага.

— Это не восстановление архива, Лера. Это не романтическая реконструкция. Это токсичный материал. Он ломает носителя.

— А тебя не сломал? — тихо спросила она. — Ты мёрзнешь в июле и видишь чужие сны днём.

Он промолчал.

— Ты уже давно живёшь на чужой боли, Тём. Хранишь то, что никто не хочет в себе держать. Почему тебе можно, а мне нельзя?

В этот момент нейроинтерфейс подал тревожный сигнал.

В воздухе над консолью вспыхнуло системное сообщение:

Внимание: критическая нестабильность эмоционального поля клиента.

Индекс счастья: 5%. Индекс эмпатии: 0%.

Статус: катастрофический эмоциональный вакуум.

Под ним мигала рекомендация:

Экстренная полная перезагрузка личности.

Лера побледнела.

— Видишь?!

Артём уже лихорадочно открывал диагностические слои.

Она не просто забыла его. Она потеряла способность к привязанности вообще. Ещё немного — и начнётся распад.

Он быстро понял главное: Лере нужно вернуть точку опоры. Что-то глубоко личное, болезненное, но живое. Без этого пустота разрастётся и сожрёт всё остальное.

Но использовать собственные данные он уже не мог. Его эмоциональный буфер давно был загрязнён, фрагментирован, повреждён чужими переносами.

Лера подошла и взяла его за запястье.

— Возьми мои воспоминания о нас. Всё, что было настоящим. Боль тоже. Особенно боль. Пусть я почувствую хоть что-нибудь.

Он смотрел на неё и понимал, что это безумие на всех уровнях — техническом, человеческом, этическом. Но безумие уже давно стало естественной средой существования этой системы. Они просто научились называть его сервисом.

— После этого ты забудешь меня окончательно, — сказал он. — Я исчезну для тебя не как любимый человек, а как часть твоей биографии.

Лера улыбнулась едва заметно.

— Я уже забыла. Ты сам помог мне это сделать год назад, когда я попросила стереть тебя. Я пришла сюда не за тобой, а по следу собственной пропажи.

Она села в кресло нейросканирования.

— Делай, Тём, то, что умеешь лучше всего. Хирургия души требует жертвенной крови.

Он надел шлем сначала на неё, потом на себя и погрузился в её систему.

Сознание Леры было похоже на кристалл с внутренней трещиной. Разлом шёл через самые яркие зоны — там, где когда-то была любовь, потом утрата, потом принудительная тишина. Артём осторожно начал извлекать из этой трещины фрагменты: Патриаршие и дождь; забытый зонтик; смех над багом, который позже превратился в ключевую функцию платформы; день её ухода; ощущение абсолютной невозможности что-либо исправить.

Он собирал это в пакет данных, чувствуя, как материал сопротивляется. Память не хотела быть архивом. Она ещё хранила в себе остатки жизни.

И в какой-то момент он ощутил удар.

Не боль удаления.

Боль отдачи.

Совершенно особую, почти невыносимую — когда человек добровольно расстаётся не с мусором, не с травмой, не с ошибкой, а с тем, что делает его внутренний мир самим собой.

Система ушла в перегрузку. Сознание Артёма на секунду потеряло целостность. Последнее, что он увидел перед отключением, было служебное сообщение:

Передача данных завершена. Эмоциональный баланс клиента восстанавливается.

Когда он пришёл в себя, за окнами уже стояло утро.

Лера лежала в кресле без сознания. Показатели были стабильны. В панели управления мигало новое сообщение от Леры:

«Я не понимаю, почему сегодня проснулась и плакала. Просто так. Без причины. Но мне кажется, я снова начала дышать».

Артём сел на пол рядом с креслом и взял Леру за руку.

Он не знал, что именно сделал.

Спас одного человека, сломав другого.

Или никого не спас.

За стеклом начинался новый день. Город был всё таким же: безупречным, холодным, стеклянным.

И бесконечно одиноким.

Глава 2

Свинцовое небо давило на Москву-Сити. Небоскрёбы-иглы пронзали его, впрыскивая в стылый воздух рой голограмм. Башня «Федерация» пульсировала обещанием: «Эмоциональная стерильность — ваш путь к гармонии».

Город устал чувствовать. Боль, ревность, разочарование — теперь это лишь баги в биологической прошивке, вирусы, которые легко удалялись в нейроклиниках. Эмоции стали считаться атавизмом — рудиментом, мешающим чистому коду логики. Они искажали восприятие, срывали контракты и делали людей непредсказуемыми. Рынок предлагал простое решение: апгрейд до бесчувствия.

После истории с Лерой Артём ушёл из «Оптимуса». Официально — по собственному желанию. На деле он просто не мог больше выносить систему. Он ушёл в тень, в серую зону, где обитали фрилансеры и хакеры — те, кого корпорации не признавали, но чьими услугами охотно пользовались в сложных случаях.

Его новая услуга называлась «Белый шум». Никаких декоративных слов о благополучии и мягкой адаптации. Только техника и то, что от неё оставалось в людях.

Его новый офис находился в заброшенном дата-центре на окраине промзоны. Здесь не было атриума и запаха дорогого парфюма. Только гул серверов, запах озона и холод.

Клиенты приходили к нему с пустыми глазами. Они хотели стать «чистыми листами». Не забыть кого-то, а забыть всё. Стать функциональными единицами общества без прошлого и привязанностей.

В тот день к нему пришёл мужчина около сорока.

На нём был дорогой костюм из умной ткани, которая подстраивалась под температуру, освещение и позу. Лицо — гладкое, почти лишённое возраста. Такие лица всё чаще встречались в финансовых кругах.

— Я хочу полный сброс, — сказал он. — До базовых настроек. Без эмоций. Только логика и эффективность.

Артём оторвал взгляд от голографической модели мозга, парящей над столом.

— Вы осознаёте последствия? Это необратимо.

— Неважно.

— Вы забудете всё, — повторил Артём. — Вкус первого снега. Улыбку дочери. Тот самый смех, который рождается раньше смысла. Всё то, ради чего человек обычно и соглашается терпеть остальное.

Клиент подался вперёд, впервые проявив живой интерес.

— А что останется? — перебил он. — Если убрать всё это... кто я буду без прошлого?

— Рабочая версия вас, — ответил Артём. — Эффективная, бесшумная функция в системе. Вы будете принимать верные решения, не оглядываясь на сантименты.

— Именно этого я и хочу, — сказал клиент. — Я устал быть человеком. Я хочу покоя.

Таких становилось всё больше. Они называли себя оптимизированными, рациональными, постэмоциональными. Каждое их движение уже имело экономическую или социальную логику. Мешало лишь одно: последние живые остатки человеческого.

Полное обнуление всегда страшнее точечной коррекции. Он начал процедуру. Это было сложнее простого удаления: он накладывал на сознание плотный фильтр белого шума. Все яркие цвета превращались в пятьдесят оттенков серого. Смех друзей превращался в приглушённый гул. Рождение дочери — в сухое знание факта. Закат — в информацию о том, что небо когда-то было красным. Ни красоты, ни тоски, ни ощущения мгновения.

Процедура длилась шесть часов.

Когда всё закончилось, клиент встал. Его движения стали механическими, точными.
— Благодарю за сервис, — сказал он и вышел, не оглядываясь.

Артём посмотрел на своё отражение в тёмном экране выключенного монитора. В глазах отражались строки кода бесконечного цикла удаления. Он знал: завтра придёт следующий клиент. И послезавтра. Конвейер по производству счастливых зомби работал без выходных. Артём вдруг увидел человека, который уже сам перестал понимать, в какой момент начал участвовать не в лечении, а в производстве человеческой пустоты.

Через несколько часов на его личный интерфейс пришла анонимная запись.

Тот самый мужчина стоял на балконе сто двадцатого этажа. Ветер трепал ему волосы. Он не колебался, не плакал, не пытался передумать. Просто смотрел вниз так, будто между жизнью и пустотой больше нет никакой разницы.

Потом шагнул.

Камера была беззвучной, но Артём всё равно услышал удар — не ушами, а тем местом внутри себя, которое всё ещё не удалось выключить.

И тогда ему стало окончательно ясно: люди приходят за стерильностью не потому, что боятся боли. Они приходят потому, что не выдерживают бессмысленности. В мире, где чувства превратили в товар, а искренность — в социальный риск, отказ от внутренней жизни стал защитной реакцией. Почти как профессиональный навык.

Он не успел додумать эту мысль. Дверь открылась резко, без стука.

На пороге стояла девушка в потёртой куртке, с разноцветными дредами и старым кассетным плеером в руке. Из динамика шёл гитарный звук — почти неуместный в этом мире очищенных интерфейсов и безупречного цифрового звука.

Она вошла так, как входят люди, привыкшие пробиваться в чужое пространство без приглашения.

— Ты тот самый архитектор душ?

— Я никого без записи не принимаю, — ответил Артём.

— А я не записывалась.

Она огляделась по сторонам, пнула кабельный жгут и села в кресло с таким видом, будто это помещение принадлежит ей не меньше, чем ему.

— Wi-Fi есть? У меня нейролинк от твоего белого шума с ума сходит.

Артём впервые за день почувствовал не усталость, а живой интерес.

— Кто ты?

— Помеха, — сказала она. — Зови меня Кира.

Потом наклонилась вперёд и добавила:

— И мне нужна не ампутация. Мне нужно, чтобы ты кое-что вернул.

Он долго смотрел на неё молча. В ней было всё то, чего он почти не встречал в клиентах последние месяцы: небрежность, злость, неотредактированность, нерв. Она казалась не человеком из этого времени, а шумом, который система почему-то не успела подавить.

— Мы ничего не возвращаем, — сказал он. — Только убираем.

— В этом и проблема, — ответила Кира. — Вы всю жизнь тут только убираете. Боль, сомнение, иронию, стыд, привязанность. Потом удивляетесь, что люди перестают быть людьми. Мой парень, например, удалил себе иронию. Чтобы стать продуктивнее. Теперь он верит любому бреду, который ему скармливают через корпоративные каналы, и при этом совершенно счастлив. Ты понимаешь? Счастлив быть пустым.

Она закурила, не спрашивая разрешения.

Артём хотел сделать замечание, но не стал. Это тоже казалось почти архаическим — сигарета в пространстве, где даже воздух давно считался управляемой средой.

— И чего ты хочешь? — спросил он.

— Я хочу снова сомневаться. Чувствовать. Бояться. Радоваться так, чтобы это не выглядело как сгенерированная реакция. Я хочу, чтобы мир снова мог меня ранить. Потому что без этого он больше ничего не значит.

Эта фраза прозвучала в комнате неожиданно тихо, но Артём ощутил её почти физически.

— Ты просишь не процедуру, — сказал он. — Ты просишь вернуть себе уязвимость.

— Да.

— Это больно.

— Я именно за этим пришла.

Он понял, что не может ответить ей стандартным отказом. Потому что в её просьбе не было моды, каприза или красивого бунта. Только усталость от мира, в котором все научились защищаться от жизни слишком хорошо.

Когда он вошёл в её сознание, то увидел не пустоту.

Не хаос.

Запущенный сад.

Всё было живо, но заброшено. Эмоции не исчезли — их просто слишком долго подавляли. Радость существовала в форме осевшей пыли. Боль — в форме заросших трещин. Сочувствие — как забытая способность мышц, которые не использовали годами.

И тогда Артём сделал единственное, что счёл честным.

Не стал ничего устанавливать.

Просто начал снимать блокировки.

Разжимать зажимы на нейронных связях. Возвращать чувствительности проводимость. Ослаблять фильтры, которые годами глушили отклик. Это и правда было мучительно. Кира выгибалась в кресле, сжимала пальцы, стонала сквозь зубы. Через него проходили её детские обиды, ярость, первое счастье, первое предательство, восторг от мелочей, тоска, давно приглушенная иронией.

Когда всё кончилось, Кира открыла глаза. В них стояли слёзы.

— Боже... — прошептала она, глядя на свои дрожащие руки. — Как... холодно.

— Это реальность, — тихо сказал Артём, снимая шлемы. — В ней бывает холодно.

Она посмотрела на него. Теперь в её взгляде не было вызова или насмешки. Только глубокая усталость и благодарность.

— Ты сломал систему.

— Нет. Просто снял замки.

И почти в ту же секунду центральный сервер, к которому у него всё ещё оставался теневогой доступ, выдал критическое уведомление:

Требуется экстренная перезагрузка личности.

Артём понял, что момент настал.

Ему нужен был не новый фильтр, а живой образец эмоционального ядра — что-то способное не подавить пустоту, а заразить её жизнью. Кира, сама того не зная, принесла с собой именно это.

— Мне нужно будет использовать твою эмоциональную матрицу, — сказал он. — Не всю. Но главное.

— Забирай.

Ни секунды сомнения.

Он соединил её живой эмоциональный отклик с каналом, который вёл к сети «Оптима». Это было похоже не на взлом, а на переливание крови в организм, привыкший существовать на синтетике.

Когда всё завершилось, система сообщила:

Передача данных успешна.

Артём потерял сознание.

Очнувшись, он увидел Киру на полу. Она обнимала колени и смотрела прямо перед собой.

— Я чувствую чужую боль, — сказала она. — Она тяжелая.

На терминале уже горело следующее сообщение:

«Архитектор Артём. Ваша лицензия аннулирована. Причина: вмешательство в чужие протоколы глубокой очистки. Вы подлежите принудительной депортации».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.